
В ПОТОКЕ КНИГ

Н.Г. Кротовская, В.С. Кулагина-Ярцева

ДИХОТОМИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ (ОБЗОР КНИГИ С. АХТАРА «ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ»¹)

Аннотация. Салман Ахтар – известный американский психоаналитик, лауреат многочисленных научных премий. В своей книге «Вопросы жизни и смерти» он опирается на учение Зигмунда Фрейда о двух «основных инстинктах», дополняя его позднейшими исследованиями Мелани Кляйн, Дональда Уинникотта, Эрика Эриксона, Уилфреда Биона и др. Жизнь человека рассматривается автором, исходя из двух основных составляющих – жизни и смерти, в их противопоставлении и неразрывности. В первой части исследуются основные понятия, связанные с жизнью: добро, счастье и игра. При этом проясняется смысл, который вкладывают в это понятие различные авторы. Объединяя различные научные представления о счастье, автор подразделяет его на четыре категории: удовольствие, радость, экстаз и удовлетворение, прослеживая их онтогенетические корни, метапсихологические корреляты, а также составляющие, связанные с личным опытом. Во второй части, посвященной смерти, представлены две точки зрения: принятие и отрицание смерти, а также их структурные и экзистенциальные функции, и в этой связи затрагиваются проблемы смертности, захоронений и сиротства. Рассматривается психологическое значение могил как мест последнего упокоения, а также выражение этнической или религиозной ненависти через осквернение могил и разрушение кладбищ. Автор уделяет внимание теме сиротства как травмы, пережитой в детстве, последствия которой сказываются на всей последующей жизни. В третьей части этой книги жизнь и смерть рассматриваются в их неразрывном единстве. Преодолевая барьер между жизнью и смертью, путешествуя по психическому ландшафту поколений, мы оставляем наши тела позади и возвращаемся к жизни как к метафоре, полной игры и щедрости.

Ключевые слова: фрейдизм, инстинкт смерти, счастье, инстинкт жизни, счастье покоя, игра, захоронения, сироты, реинкарнация, бессмертие.

Салман Ахтар – известный американский психоаналитик, лауреат многочисленных научных премий, профессор психиатрии и человеческого поведения, член редколлегии «Международного журнала психоанализа» и «Журнала американской психоаналитической ассоциации», автор более трехсот публикаций, в том числе тринадцати книг, заведующий отделом книжных обзоров «Международного журнала прикладных психоаналитических исследований». В своей книге «Вопросы жизни и смерти» он, опираясь на учение Зигмунда Фрейда о двух «основных инстинктах» и дополняя его позднейшими исследованиями Мелани Кляйн, Дональда Винникотта, Эрика Эриксона, Уилфреда Биона и др., рассматривает человеческую жизнь, исходя из двух основных составляющих – жизни и смерти, – в их противопоставлении и неразрывности.

Цель данной книги понять, что значит быть живым, а также проследить, как смерть сопровождает человека на каждом шагу его жизненного пути. Опираясь на предложенное Фрейдом понятие инстинктов жизни и смерти как первичных двигателей человеческого поведения как результата оппозиции и комбинации этих двух «основных инстинктов», автор демонстрирует, что смерть неизменно присутствует в жизни, а жизнь в смерти. Дегуманизация живых людей и посмертная слава мёртвых – два противоположных полюса его исследования. Между ними лежит область, наиболее интересующая автора: что такое быть живым и как смерть или знание о смерти, сознательное или бессознательное, окрашивает наш субъективный опыт.

Книга делится на три части: жизнь, смерть, жизнь и смерть. Часть первая, посвященная жизни, начинается с главы о добре в человеке. В ней, ис-

¹ Akhtar S. Matters of Life and Death. London, 2011.

пользуя понятия, предложенные Мелани Кляйн, Дональдом Винникотом, Эриком Эриксоном и Уилфредом Бионом, в которых раскрываются жизнеутверждающие мотивы, скрытые за пессимистическим взглядом Фрейда на человеческую природу, автор выделяет атрибуты «хорошего» человека: (а) рациональность, сдержанность, стремление к познанию; (b) скромность, благодарность, способность к состраданию, потребность в восстановлении; (с) аутентичность, забота о других, способность к игре; (d) доверие, способность к творчеству, забота о других; (e) правдивость и вера.

Ироничное замечание Фрейда о том, что все сентиментальные сторонники гуманности и защитники животных прежде были садистами и мучителями животных, лишь одно из его высказываний, демонстрирующих пессимистический взгляд на человеческую природу. Фрейд полагал, что человеческое поведение в основном, если не полностью, обусловлено инстинктом и поиском удовольствия. Многочисленные проявления гуманности, на его взгляд, «в жизни никуда не годятся», являясь к тому же «ленивыми и глупыми»². И в самом деле, он дошел до того, что объявил веру в доброту человеческой природы одной из вредных иллюзий, с помощью которых человечество надеется украсить и облегчить свою жизнь, тогда как в реальности они лишь приносят вред. Рассуждая о причинах войны, он подчеркивает то, что люди по своей природе агрессивны и склонны к насилию.

С другой стороны, выдвинутое Фрейдом положение об отцеубийстве, пускай доисторическом, обременяет человека чем-то вроде родового «зла» или «первородного греха». Его высказывание о том, что двумя главными человеческими преступлениями были инцест и отцеубийство, имеет те же последствия. Поскольку желание совершить эти преступления никому не удавалось победить, все люди в глубине души остаются преступниками. Фрейд также говорил, что люди антисоциальны и антикультурны. В общем, по Фрейду, в природе человека нет ничего, достойного восхваления. И это тягостно.

Последователи Фрейда, проявляя истовую лояльность к основателю своей дисциплины и, как и он, пренебрегая моральными аспектами религии, усвоили натуралистический и скептический взгляд на человека. Они старательно избегали ярлыков «хороший» и «плохой», настаивая на том,

что их подход лишен моральных оценок. Однако внимательный взгляд на весь корпус психоаналитической литературы выявляет присутствие многочисленных понятий с определением «хороший».

Уяснив себе, какой смысл вкладывают в понятие «добра» такие авторы, как Фрейд, Кляйн, Винникот, Эриксон и Бийон, Салман Ахтар приходит к заключению, что хороший человек должен обладать такими качествами, как:

- рациональность, сдержанность, эпистемологический энтузиазм и стремление к синтезу (Фрейд);
- скромность, благодарность, сострадание и восстановление (Кляйн);
- подлинность, забота о других, способность к игре (Винникот);
- доверие, щедрость и забота (Эриксон);
- верность и вера (Бийон).

Является ли подобная человеческая «доброта» наследственной или благоприобретенной до сих пор остается неясным. Поскольку, по Фрейду, все ее атрибуты можно возвести к «инстинкту жизни», который по определению является врожденным, то может показаться, что доброта тоже по своей основе является врожденной. Подобно деструктивным силам «инстинкта смерти», деятельность, направленная на благо общества, также исходит из самых глубин человеческой природы. Точнее, как «добро», так и «зло» представляются основными компонентами человеческой природы, которые можно увеличить, уменьшить, перенаправить или изменить в раннем возрасте с помощью стимулов окружающей среды. То есть можно предполагать, что человеческой природе присуще как «добро», так и «зло». Подобное заявление подтверждается данными этологии и неонатологии. Первая предлагает убедительные свидетельства того, что привязанность, забота, альтруизм, сотрудничество и даже прощение широко распространены среди животных. Последняя показывает, что улыбка, общение, взаимодействие, эмоциональный настрой, эмпатия и удовольствие от новых открытий имеют место в раннем детстве и возникают из состояния биологической готовности. Сопоставление данных этологии и наблюдения за маленькими детьми заставляют предположить, что семена «добра» посеяны самой природой.

В следующей главе автор рассматривает неуловимое понятие счастья. После краткого описания того, что понимали под этим словом Фрейд и другие учёные, он также рассматривает работы

² Freud S. The Future of an Illusion. S.E., 21: 5–56. 1927. P. 7.

сторонников современного движения «Счастье жизни». Проанализировав различные наблюдения и взгляды, автор предлагает объединить под широким названием «счастье» четыре различные, хотя и частично совпадающие категории: удовольствие, радость, экстаз и удовлетворение, – затем прослеживает онтогенетические корни, метапсихологические корреляты и структурные элементы опыта для каждой из этих категорий и наконец показывает, как субъективный опыт счастья (в широком смысле слова или в каждой из составляющих его категорий) оказывал воздействие на развитие психоанализа.

Под воздействием пессимистического мировоззрения основателя психоанализа Зигмунда Фрейда, его последователи с подозрением относятся к моментам радости. Их настолько тревожит преходящая природа этого чувства, что в своей профессиональной деятельности они подвергают сомнению даже его достоверность, подозревая, что за ней скрывается страдание или страх. Веселые шутки пациента нередко воспринимаются как защитная маска, скрывающая мрак в его душе, а его хорошее настроение как тонкий покров, маскирующий печаль.

Но также верно, что в личной жизни психоаналитики способны расслабиться и испытать радость: за обедом с друзьями, играя со своими собаками, читая хорошую книгу, наблюдая за подрастающими внуками, узнав, что их статьи будут напечатаны в престижном журнале. Несмотря на это, литература по феноменологии, происхождению и метапсихологии счастья очень скудна. Вот почему автор этой книги делает попытку описать феномен, называемый счастьем. Начав с изложения взглядов Фрейда, он переходит к рассмотрению других, не только психоаналитических концепций и в результате подразделяет счастье на четыре разновидности и предлагает описание каждой.

В своих работах Фрейд использовал понятие «счастье» сто тридцать раз, и более трети из них в своей работе «Цивилизация и неудовлетворенность»³. Она посвящена исследованию отношений между ограничениями, которые общество навязывает человеку, который стремится к удовольствию и в результате становится несчастным. В начале этой книги Фрейд излагает свое представление о счастье. То, что мы называем

счастьем в самом узком смысле, есть не что иное, как (преимущественно неожиданное) удовлетворение крайне обостренных потребностей, природа которых допускает лишь эпизодическое их удовлетворение. Если ситуация, которая столь желанна в соответствии с принципом удовольствия, продлевается, это вызывает лишь чувство легкого удовлетворения. Так уж мы устроены, что подлинное наслаждение способны получать лишь на контрасте и очень редко от стабильного положения вещей. Таким образом, наши возможности для счастья изначально ограничены нашей конституцией. Несчастье испытать гораздо легче.

Чувство счастья, возникшее от удовлетворения необузданных инстинктивных импульсов, выходящих из-под контроля Эго, неизмеримо сильнее, чем то, которое ублажает сдерживаемые инстинкты. Безудержность извращенных инстинктов и, возможно, притягательность запретного, получает здесь свое структурное объяснение.

На первый взгляд может показаться, что удовлетворение инстинктов рождает ощущение счастья, а неудовлетворение – страдание. Однако взгляды Фрейда на счастье гораздо сложнее и многообразнее. Они не могут быть верно поняты без осознания того, что неизбежными источниками страданий в человеческой жизни Фрейд считал: (а) постепенное (пусть даже медленное) разрушение человеческого тела, (b) необъяснимые природные бедствия, (c) боль и страдания, неизбежно присущие межличностным человеческим отношениям. Мы никогда не бываем так беззащитны перед лицом страдания, как тогда, когда мы любим, никогда не бываем так несчастны, как тогда, когда теряем предмет нашей любви или его любовь, утверждает Фрейд. Программа обретения счастья, навязанная нам принципом удовольствия, не может быть выполнена, однако мы не должны, а вернее, не можем отказаться от попыток приблизить его так или иначе. В этом направлении можно двигаться различными путями, отдавая предпочтение позитивному аспекту цели, то есть получению удовольствия, или негативному, то есть избеганию неприятностей. Полностью достичь желаемого невозможно ни одним из способов. Счастье в узком смысле слова, как мы его понимаем, является проблемой структуры индивидуального либидо. Нет золотого правила, пригодного для всех. Каждый должен найти свой путь к спасению. На выбор влияет множество различных факторов. Поскольку счастье – это нечто в

³ Freud S. Civilization and Its Discontents. S.E., 21: 1930. P. 64–145.

высшей степени субъективное, пути его достижения у разных индивидов совершенно различны. Фрейд предлагает следующий список способов достижения счастья: (а) употребление опьяняющих напитков, (b) наслаждение красотой, (c) преданность работе, (d) дружба и, как ни странно, (e) уход от мира.

Независимо от того, какое средство выбирает человек, ни одно из них не может дать ему прочного счастья. Далее Фрейд делает вывод о том, что именно цивилизация, делающая человека человеком, является источником его неизбежных страданий. Ограничения, налагаемые цивилизованным обществом на стремление человека к копрофилии, садизму и инцесту, ведет к огромным психическим потерям. Необходимость установить связь с ближними, даже зависеть от них, увеличивает возможность фрустрации.

Научная литература, посвященная счастью, обширна и противоречива. Разные авторы исследуют различные аспекты этого феномена. Их взгляды находятся в зависимости от их собственных жизненных обстоятельств, их пессимизма или оптимизма. К примеру, Фрейд уделял особое внимание инстинкту смерти, когда он сам был болен и столкнулся с множеством потерь. Методологию, которую ученые использовали в своих работах, также сложно назвать однородной. Она включает как клинические наблюдения, так и философские спекуляции. В результате к синтезу этого материала следует относиться несколько скептически.

По мнению автора, феномен счастья включает в себя четыре типа переживаний:

(а) удовольствие, (b) радость, (c) экстаз, (d) удовлетворение. Эти переживания, хотя и отличаются друг от друга, в чем-то совпадают.

Далее приводится описание четырех типов счастья⁴.

Счастье, основанное на удовольствии – ликование.

Согласно одной из распространенных точек зрения, удовольствие возникает из накопления приятных ощущений и избегания неприятных. На первый взгляд кажется, что удовлетворение инстинктов вызывает ощущение благополучия и свободы от неприятного морального и физического напряжения. Удовольствие голодного человека, нашедшего пищу, и удовольствие усталого человека, нашедшего удобное место для отдыха, ассо-

цируется с ощущением счастья, которое автор называет ликованием. Строго говоря, то же самое можно сказать об удовлетворении агрессивных наклонностей, однако слова «счастье» и «ликование» не принято ассоциировать с удовольствием, полученным от садизма или мести.

Однако все не так просто. Начать с того, что инстинктивное удовольствие оказывается чем-то большим, чем просто избеганием неудовольствия, вызванного накопленным напряжением. Человек может удовлетворить инстинктивное желание, не испытав при этом удовольствия. То есть для получения удовольствия требуется нечто большее. Рассмотрев этот вопрос подробнее, автор приходит к заключению, что удовольствие происходит от удовлетворения потребностей Эго и желаний «Оно».

Счастье, основанное на уверенности – радость.

Радость – это такой вид счастья, который основан на уверенности в себе. Человек испытывает радость в результате приятного исполнения функций Эго и эффективности собственных действий. Радость может испытывать человек любого возраста, однако некоторые фазы развития наиболее благоприятны для этого чувства.

Счастье, основанное на слиянии – экстаз.

Экстаз, или высшая степень воодушевления, мистический или пророческий транс, крайне возбужденное состояние ума или чувств. Отсюда ясно, что экстаз включает в себя переживание блаженства, настолько острое, что оно затмевает такие обычные функции Эго, как разум и ясное сознание. Это необычное чувство возникает от слияния «Я» и объекта при том, что этот союз с самого начала находится под влиянием либидинозного стремления. Рассматривается ли это слияние как регрессия к инфантильному состоянию или как движение вперед к состоянию связи с миром зависит отчасти от теоретической установки интерпретатора.

Счастье, основанное на достижении цели – удовлетворение.

Удовлетворение более спокойный вид счастья, которое возникает благодаря достижению поставленной человеком цели. Истоки удовлетворения можно обнаружить в фазе спокойствия, которое следует за наслаждением, наступившим после удовлетворения той или иной инстинктивной потребности. Неизбежно прерываемое циклическим пробуждением инстинктивного напряжения, удовлетворение, тем не менее, «струк-

⁴ Akhtar S. Matters of Life and Death. L., 2011. P. 47.

турируется» во времени, пробуждая способность Эго испытывать это чувство. Выражение Фрейда «счастье покоя», хотя и употребленное в несколько ироничном смысле для описания отшельников и затворников, вполне адекватно описывает опыт удовлетворения.

С точки зрения позднейших структуралистских теорий удовлетворение – это чувство, испытываемое при исчезновении разрыва между Эго и эго-идеалом, или, вернее, между реалистичной и желаемой репрезентациями «Я». Обычно это чувство испытывается в среднем возрасте, если все идет хорошо, если мы достигли поставленных целей и наше «Я» начинает приближаться к желаемому идеалу.

Здесь следует добавить следующее: если удовлетворение, хотя бы отчасти, зависит от ликвидации разрыва между Эго и эго-идеалом, то сроки и степень остроты этого переживания у разных индивидов могут сильно отличаться. Люди с менее возвышенными эго-идеалами испытывают удовлетворение с большей легкостью и быстрее, тогда как те, чьи эго-идеалы более возвышены, должны прилагать для их достижения больше усилий и тратить больше времени. Хотя удовлетворение – это желанное и приятное состояние ума, полное и постоянное удовлетворение является фикцией. Эти вопросы, включая бремя, которое накладывает на инстинктивную жизнь мужчины «цивилизованная сексуальность», подробно рассматриваются в работе З. Фрейда «Цивилизация и неудовлетворенность».

В научной литературе почти не рассматривается вопрос о том, что ощущение счастья на протяжении человеческой жизни меняется. Рассуждения о счастье в широком смысле слова, без выявления различий между счастьем, которое испытывается в детстве, юности, зрелом и пожилом возрасте, не способствуют глубокому анализу этого явления.

Формы и интенсивность счастья могут колебаться от культуры к культуре. То же можно сказать о том, насколько открыто допускается выражать счастье в разных культурах и какие поводы при этом считаются допустимыми.

Между описанными выше четырьмя разновидностями счастья нет четкой границы. Нередко они частично совпадают, например, удовлетворение инстинкта может повлечь за собой уверенность в себе.

Психоактивные вещества (алкоголь, кокаин) могут активировать субъективные переживания, схожие с любым из вышеперечисленных разновидностей счастья. При этом какая-либо определенная субстанция чаще вызывает то или иное состояние (например, алкоголь – ликование и радость, марихуана – экстаз и удовлетворение).

В главе, посвященной способности к игре, С. Ахтар рассматривает игру как характерную черту и/или модель взаимодействия, включающую в себя беззаботность, спонтанность, удовольствие от взаимодействия и кратковременный отказ от реальности – на грани нереальности. Автор возводит развитие способности к игре к ранней матрице отношений «родитель-ребенок» и даже к определенным конституциональным особенностям ребенка. Подобно многим другим умственным способностям, способность к игре может иметь различные патологические отклонения, если эта способность недостаточна, ингибирована, расстроена, злонамеренна и т.д.

На первый взгляд, понятие игры представляется самоочевидным, однако при ближайшем рассмотрении оказывается на удивление многоликим. Игра – это и занятие для развлечения и отдыха, и преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель, и выразительная изменчивость и многое другое. Дополнительные коннотации слова «игра» встречаются в контексте театра (играть роль), музыки (играть на музыкальном инструменте), юмора (игра слов) и т.д. В широком контексте акт игры безопасен, забавен и приятен. В нем также присутствует элемент свежести и притворства. Лежащий в их основе ментальный процесс состоит из осознания того, что внутренний опыт может не отражать фактов внешней реакции, а также разделение внешней и внутренней реальности на основе предположения о том, что внутреннее состояние в действительности не влияет на внешнюю реальность.

Основатель психоанализа Фрейд писал, что в игре ребенок действует как писатель, что он создает свой собственный мир или, скорее, переставляет вещи своего мира таким образом, от которого он получает удовольствие. Неверно было бы думать, что он не принимает этот мир всерьез, напротив, он относится к игре совершенно серьезно и вкладывает в нее массу эмоций. Противоположностью игре является не серьезность, а реальность. Игра служит множеству целей: помогает управлять

конфликтом, преодолеть травму, постичь внешнюю реальность, усовершенствовать навыки Эго. У взрослого человека игра, по выражению Винникотта⁵, представляет собой «переходную область» или «промежуточную сферу опыта», где отбрасывается критерий реальности и нереальности, действует воображение, и парадокс одерживает верх. Однажды возникнув, эта психическая сфера остается на всю жизнь. В игре индивид временно отказывается от ограничений, наложенных реальностью, сознательно получая удовольствие от «абсурдности» и обнаруживая в процессе игры свое подлинное «Я». Удовольствие, получаемое от разрядки, приводит к снятию напряжения у Эго.

Несмотря на большое количество работ, посвященных игре, отмечает автор, некоторые темы остались почти незатронутыми, например, в научной литературе слабо представлен гендерный подход к этой проблеме или подход, учитывающий культурные различия. Например, поощряют ли некоторые культуры большую склонность к игре? Или можно ли сказать, что в разных культурах существуют различные формы игрового поведения? Насколько на это поведение влияет возраст? Можно ли говорить о различных проявлениях игры в зависимости от расы, этноса, религии и социальной принадлежности? Здесь требуются дальнейшие исследования.

Итак, игра оказывается гораздо более сложным явлением, чем кажется на первый взгляд. Это сложная смесь беззаботной спонтанности, смелого парадокса и невинного удовольствия. Приведем в пример остроумную реплику Ганди. Когда американский репортер спросил его, что он думает о западной цивилизации, Ганди ответил: «Я думаю, это удачная мысль!»

Вторая часть книги посвящена смерти. В ней С. Ахтар представляет две точки зрения: принятие и отрицание смерти, а также их структурные и экзистенциальные функции, и в этой связи затрагивает проблемы смертности, захоронений и сиротства. Здесь рассматривается психологическое значение могил как мест последнего упокоения, а также выражение этнической или религиозной ненависти через осквернение могил и разрушение кладбищ. Автор уделяет большое внимание теме сиротства как травмы, пережитой в детстве, последствия которой сказываются на всей последующей жизни.

Смерть

У человека сложное отношение к смерти. Назвать его «двойственным» означало бы упростить проблему. Начать с того, что тема смерти вызывает у людей беспокойство, в особенности, когда затронут вопрос об их собственной смерти. Человека охватывает страх при мысли о собственном небытии. Он может нравиться себе или не нравиться, но ему нелегко будет расстаться с собой, любимым. В результате люди делают вид, что с ними этого не случится. Они гонятся за миражом бессмертия. Они говорят себе, что, заботясь о своем здоровье, смогут отсрочить собственную смерть. Тревоги, вызванные конечностью земного существования, заставляют их обращаться к религиозным верованиям и мыслям о небесах, аде, реинкарнации или продолжении существования их «душ» тем или иным образом. Люди позволяют себе предаваться различным иллюзиям. Но они не только пытаются защитить себя, они еще озадачены и заинтригованы. Они выдумывают сложные гипотезы относительно околосмертного и посмертного опыта. Они воспевают смерть. Они изображают процесс умирания, пишут рассказы и пьесы, делают фильмы о смертельных заболеваниях.

Это не современная проходящая тенденция. С незапамятных времен люди творчески обращались к теме смерти. От Будды до Фрейда, от поэтов-суфиев Персии и Афганистана до западноевропейских экзистенциалистов XX века, от древних индусских мистиков до сегодняшних гуру «калифорнийского разлива», все считают вопрос смерти главным в жизни.

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой смерть – это крайнее унижение. С этой точки зрения смерть вызывает страх, презрение и желание сражаться с нею. Боязнь смерти расценивается как моральная трусость, порождающая приверженность незрелого ума к иллюзиям. С этой точки зрения принятие смерти представляет собой тоскливый нигилизм и трогательный рационализм человека с низкой самооценкой.

Сопоставляя две различных точки зрения на смерть, С. Ахтар пытается подчеркнуть конфликт между взглядами, основанными на отрицании смерти, и теми, что возникают из принятия смерти. Такое деление чаще всего соотносят соответственно с Западным и Восточным полушарием.

Сам факт отрицания и принятия смерти представляет собой одну из противоположностей в человеческой психике, подобно оппозиции симбиоза

⁵ Winnicott D. *Playing and Reality*. London, 1971.

и индивидуализма, активности и пассивности, гомосексуализма и гетеросексуализма, религиозной веры и атеизма. Эти «полюса» обладают весьма важными динамическими, структурными и сущностными функциями.

Относительно самой смерти и того, что к ней относится, человек может увидеть преимущества в любой из этих точек зрения (отрицая смерть, легче жить, а принимая ее, человек получает более богатый жизненный опыт и воспринимает жизнь более структурировано).

Хорошо, замечает автор, что еще есть время очнуться от дремотного отрицания и устремить на смерть прямой, глубокий и задумчивый взгляд. Таким образом человек действительно узнает нечто значимое о самой жизни, о человечестве в целом и о своем собственном разуме, ради чего и задумывалась эта работа.

В 1920 году Фрейд обнаружил концепцию «инстинкта смерти»⁶. Эта концепция восходит к древнему восточному «принципу Нирваны». Современные реконцептуализации концепции инстинкта смерти подтверждают неизменное существование в человеке глубоко укорененного желания расстаться с собственными границами, возможно, отклик на давнее желание (воспоминание) слияния с матерью. Смерть тоже может входить в этот сценарий, хотя, возможно, уже в среднем возрасте.

Вторая концепция Фрейда – понятие «страха смерти» – противоречит его собственному утверждению, сделанному на два десятилетия раньше, что нет смерти в бессознательном⁷. Автор имеет в виду понятие *todesangst*, что переводится как «страх смерти».

Фрейд полагает, что механизм страха смерти может состоять в освобождении Эго от нарциссической загрузки либидо, то есть в отказе от самого себя подобно тому, как обычно в случае страха отказываются от другого объекта.

Могилы

Могилы служат постоянным напоминанием о смерти и в то же время ярким уведомлением о продолжении жизни после смерти. Практика погребения мертвых и устройство могил насчитывает множество веков, если не восходит к временам до-

историческим. В древности было принято закапывать вместе с мертвым телом полезные и любимые вещи, принадлежавшие покойному, с мыслью, что эти вещи могут пригодиться ему в «мире ином».

Около 1800 года получают широкое распространение подробные личностные эпитафии, они отражают суть жизни усопшего, а иногда содержат послание к покинутым близким.

Ухоженные цветники, ставшие обычными на кладбищах, словно отрицают факт смерти, склоняя посетителя кладбища уделить такое же, если не большее, внимание утешительной и вполне «живой» красоте растений, цветов и деревьев.

Первое посещение могилы усопшего родственниками и друзьями происходит на похоронах. После молитвы или утешительных слов, произнесенных сотрудником похоронного бюро, гроб опускают в заранее выкопанную яму, обычно в 6 футов глубиной. Автора в свое время поразило, насколько религиозными кажутся все присутствующие на подобных церемониях. Каждый из присутствующих бросает в могилу горсть земли или цветы, тем самым символически принимая участие в погребальной церемонии. Затем все покидают место погребения, оставляя наемных рабочих – могильщиков – закапывать могилу.

Несмотря на различия, диктуемые разными религиями, можно выделить четыре общих пункта погребальной церемонии:

- a) момент опускания гроба служит толчком для проявления эмоций. Это окончательное прощание с покойным;
- b) ощущение беспомощности и пассивное созерцание гроба сменяется активностью – брошенная горсть земли делает человека частью группы, но в то же время может пробудить в человеке чувство вины;
- c) вернувшись домой – даже если покойный умер день-два назад, – человек в полной мере осознает отсутствие умершего, ощущает пустоту, потрясение, тяжесть, печаль и легкий стыд;
- d) последний шаг в этом печальном «путешествии» – создание «настоящей» могилы и установка надгробной плиты.

У людей по-разному складываются отношения с могилами близких. Большинство регулярно посещает могилы родственников по религиозным праздникам и в годовщину смерти. Другие ведут себя иначе. После похорон они никогда больше не приходят на могилу и могут даже «забыть», где она находится. Разумеется, существуют исключе-

⁶ Freud S. Beyond the Pleasure Principle. S.E., 18. London, 1920. P. 7-64.

⁷ Freud, S. (1923b). The Ego and the Id. S.E., 19. London: Hogarth.

ния, но, по большей части, такое поведение можно объяснить скрытой «защитой» от горя. Заботясь о могиле, убирая ее и ставя цветы, человек получает положительные ощущения – неразрывной связи, диалога.

С. Ахтар предпринимает попытку разъяснить психологическое значение могил, показывает, что потенциальная роль этих «последних мест упокоения» в том, чтобы облегчить скорбь близких. С помощью воспоминаний друзей и клинического опыта автор выделяет комплексную функцию посещения могил в психической жизни родных и близких умершего.

С. Ахтар стремится также показать, как осквернение и разрушение могил становится проводником «этнических чисток», а также религиозной и расовой ненависти.

Несмотря на широкую базу исследования, автор сознает, что не затронул многих связанных с могилами проблем.

Могила часто фигурирует в классических литературных произведениях, играет там важную, можно сказать, смыслообразующую роль. Пьесы Шекспира (например, «Гамлет», «Ромео и Джульетта»), рассказы Э. По («Бочонок амонтильядо», «Заживо погребенные») изобилуют сценами, в которых присутствуют могилы. Могилы фигурируют во многих поэтических и прозаических произведениях. В их числе «Грозовой перевал» Э. Бронте (1847), «Зверь в чаще» Генри Джеймса (1903), «Сонеты смерти» Габриелы Мистраль (1914), поэтический триптих Евгения Евтушенко «Пастернакиада», посвященный могиле Пастернака (1960).

В течение жизни у людей возникает масса фантазий относительно собственной будущей могилы. Их охватывает страх быть погребенным заживо, который Фрейд рассматривал как замаскированную версию желанного возвращения в материнское лоно⁸. К этому страху прибавляются фантазии, вызванные комплексом вины. Более реалистичская мысль о собственной смерти возникает при достижении преклонного возраста и приводит к размышлениям о том, какие следует отдать распоряжения относительно похорон.

Сюда входит и мысль о том, как человек хочет распорядиться своим телом. Теперь фантазии относительно собственного погребения, могилы и ее местонахождения становятся важными. Место для

могилы обычно выбирают рядом с тем, где похоронены предки, но на выбор влияет и то, насколько удобно будет родным посещать могилу. Большое, иногда непреодолимое расстояние между этими двумя местами создает трудности выбора для иммигрантов.

Покидая кладбище, человек должен осознавать, что могилы служат в большей мере целям живых, чем мертвых. Они помогают пережить траур, поддерживают семейные связи. Сооруженные из камня и кирпича и скрепленные известковым раствором, могилы обладают возможностью стать действующими лицами и в этом качестве участвовать в психической жизни тех, кто остался жить.

Сироты

Словом «сирота» обозначают тех, кто потерял одного или обоих родителей, и слово это вызывает болезненные и печальные ассоциации.

Эта утрата и вырастание среди чужих людей дает простор писательскому воображению. Сироты часто становятся героями литературных произведений. Возьмем, к примеру, «Приключения Оги Марча» Сола Беллоу (1953), «Большие надежды» Ч. Диккенса (1860), «История Тома Джонса, найденыша» Г. Филдинга (1749), «Векфилдский священник» О. Голдсмита (1766), «Демьян» Г. Гессе (1919), «Бремя страстей человеческих» С. Моэма (1915).

Последствия потери родителей в детстве ощущаются всю жизнь. Множество проявлений этого можно сгруппировать по следующим категориям:

- a) постоянная внутриличностная связь с умершим родителем;
- b) душевная боль и защита от нее;
- c) нарциссический дисбаланс личности;
- d) отклонения в развитии агрессивной энергии;
- e) проблемы в сфере любви и сексуальности;
- f) проблемы в субъективном опыте со временем;
- g) проблемы в отношении собственной смерти.

Подобно другим травмам, сиротство иногда становится для личности источником сил. Стоицизм, честолюбие, плодотворная деятельность могут усилиться, а страх смерти – уменьшиться. Некоторые люди, потерявшие в детстве родителей, проявляют необычайную смелость и самопожертвование.

Во многих случаях «данные Богом» таланты (например, артистические и художественные склонности) и необычайный ум могут в большой мере смягчить воздействие сиротства. Здоровое, честолюбивое ядро личности формируется вокруг

⁸ Freud, S. (1919h). The uncanny. S.E., 17: 219–252. London: Hogarth.

этих неординарных способностей и приводит к славе и социальному успеху. Явно неполный список известных в истории человечества сирот включает пророков (Мухаммед), великих философов (Аристотель), правителей и завоевателей (Юлий Цезарь), музыкантов и певцов (Луи Армстронг, И.С. Бах, Джон Леннон), писателей и поэтов (Джон Китс, Редьярд Киплинг, Лев Толстой), политических лидеров (Билл Клинтон, Нельсон Мандела), киноактеров (Ингрид Бергман, Мэрилин Монро).

Воздействие смерти одного из родителей различно в зависимости от возраста ребенка на момент утраты.

Смерть матери может оказывать большее, или, по крайней мере, иное воздействие на ребенка, чем смерть отца.

Пол ребенка тоже играет роль. Как правило, девочки сильнее ощущают потерю матери. Эта потеря угнетает их как утрата не только первого объекта любви, но и ролевой модели и помощницы при выработке собственной гендерной идентичности. То же самое применимо к мальчику, потерявшему в детстве отца.

Большую роль в определении воздействия смерти одного из родителей играют взаимоотношения, связывавшие ребенка и умершего родителя. Неразрешенные конфликты мешают излечению души, добавляя чувство вины и ответственности за эту смерть.

Далее С. Ахтар рассматривает разнообразные и сложные результаты потери ребенком родителя. Области, в которых проявляются долгосрочные последствия этой травмы, могут быть агрессия, нарциссизм, любовь и сексуальность, отношение к собственной смерти. Однако самым основным является внутрличностное взаимоотношение, которое сирота поддерживает со своим умершим родителем. Мощное воздействие этого может быть патогенным или здоровым.

Несмотря на то, что автор коснулся большого числа проблем, он сам признает, что осталось незакрытым еще многое.

Во-первых, поскольку потеря родителя в детстве едва ли происходит в изоляции от других потенциально патогенных влияний (например, дестабилизация семьи, поставленная под угрозу денежная ситуация, угнетенные опекуны ребенка), важны сравнительные длительные исследования «реальных» и «психических» сирот. Последнее определение включает детей, оставленных родителями и выращенных тем или другим из

родственников, а также детей, от которых скрывают, что их мать или отец умерли и которые много позже узнают правду. Это исследование могло бы содействовать различению психопатологического воздействия потери родителя и других факторов.

Во-вторых, как уже упоминалось, образ сироты распространен в литературе, и это может дать возможность составить более четкое и сложное представление о том, как функционирует психика взрослого человека, осиротевшего в детстве.

В третьих, необходимо узнать больше о детских домах старого типа и тех, которые в большей степени поддерживают Эго сироты.

Наконец, нужно практически пересмотреть психоаналитические случаи, имеющие отношение к сиротам, детям и взрослым, для выработки более успешного к ним подхода.

Жизнь и смерть

В третьей части книги жизнь и смерть рассматриваются в их неразрывном единстве. Автор собирается показать, что жизнь и смерть не так предельно далеки друг от друга, как кажется на первый взгляд.

Люди воспринимают жизнь и смерть как различные категории. Абсолютная, конечная и непреложная природа смерти приучила их к такой точке зрения.

Только в наших фантазиях, снах и в литературе – мрачной, готической или научно-фантастической – мы осиливаем непреодолимые преграды между жизнью и смертью. В других случаях мы оказываемся, несчастные и смущенные, перед стеной, разделившей двоих, наша беспомощность несколько смягчается религией, которая предлагает нам заверения в жизни после смерти.

Догматы и образы, которые она дает, соединяют жизнь и смерть мостиком веры. Мы чувствуем себя лучше и можем легче засыпать ночью. Однако при внимательном изучении оказывается, что смерть всегда при нас. Она не так далека от жизни, как мы ошибочно полагаем.

Смерть прежде смерти

В жизни постоянно происходят мини-смерти. Большие и малые частички наших тел то и дело отмирают (и возрождаются), примерами этого могут служить кожа, клетки мозга, красные и белые кровяные тельца, волосы, ногти и так далее.

Незаметное, но постоянное разрушение человеческого тела, пока оно движется в одном направ-

лении по временному туннелю, дает множество иллюстраций того, как одушевленное постепенно превращается в неодушевленное.

Наряду с осязаемыми знаками присутствия «смерти в жизни» существуют тонкие психологические проблемы, которые можно отнести к этому же типу. Например, отношения со старыми друзьями, с которыми человек не виделся, скажем, 30-40 лет. Представление о них в мозгу человека «застывает». Он с трудом может их себе представить (то есть их физический облик, их голоса и т.д.). То же самое более или менее справедливо в отношении невыраженных, но желаемых детских представлений человека о себе. Хочется задать вопрос, где сейчас мое черноволосое «я», любившее играть в крикет, собиравшее марки? А что произошло с невинными сторонами наших «я», не ведавших о тайнах секса? Нравится нам это или нет, но частицы нас умирают все время. Поэтому люди никогда не бывают в полной мере живы, они всегда частично мертвы. В самом деле, существуют философские традиции, представляющие живого как уже умершего. Дзэн проповедует бесстрастную, отрешенную жизнь, в том числе и по отношению к самому себе. Это ведет к разумному стоицизму и ясности восприятия. Как гласит дзэнская поговорка, «кто умирает прежде смерти, тот больше не умрет»⁹.

Вне зависимости от того, прожил человек счастливую или несчастную жизнь, для каждого приходит день смерти. Наступает конечный момент жизни. Он преобразует чувствующего, думающего, мечтающего человека, обладающего желаниями и стремлениями, в холодное, неподвижное мертвое тело. Это преобразование поражает людей. Их реакция на это преобразование прямо противоположна тому, что они чувствуют, посещая музеев восковых фигур мадам Тюссо. Тщательно выполненные с вниманием к мельчайшим деталям музейные подобию человека заставляют забыть о разнице одушевленного и неодушевленного и, косвенно, о различии жизни и смерти. Сделанные из воска и одетые в соответствующую одежду, статуи производят впечатление живых существ. Люди едва ли не ждут, что они вот-вот подойдут и заговорят или, по крайней мере, протянут руку и поздороваются. Удивительно, замечает автор, как это ожидаемое превращение неодушевленного предмета в человеческое существо приводит людей в радостное волнение, в то время как превращение

человеческого существа в неодушевленный предмет вызывает глубокую тревогу.

Примером перехода неживого-в-живое могут служить мимы в парках, изображающие статуи и внезапно «оживающие» Это тоже свидетельствует о том, как тонка грань между неодушевленным и одушевленным.

Жизнь после жизни

Погребение умершего – давний обычай иудео-христианской и исламской культур, так же, как сожжение тела в индуистской, при этом в современных западных обществах сожжение становится все более популярным.

Погребение создает иллюзию того, что земля остается нашим домом. С другой стороны, кремация создает иллюзию всемогущества. Можно положить прах в несколько урн и раздать их близким людям. Кроме того, кремация дешевле погребения. Эти две причины – пребывание одновременно в нескольких местах и экономия средств – кажется, можно считать причиной возрастающей популярности кремации на Западе.

Сценарии «жизни в смерти» выходят за пределы буквального понимания и включают в себя заманчивую перспективу бессмертия. По мнению Милана Кундеры («Бессмертие» 1990), бессмертие бывает трех видов: малое, великое и смешное. *Малое бессмертие* – это стойкая память о человеке в умах тех, кто знал его. *Великое бессмертие* существует для поэтов, художников и государственных деятелей. Оно означает посмертное присутствие человека в мыслях тех, кто никогда не знал его лично, но находится под глубоким впечатлением от его работ. *Смешное бессмертие* относится к тем, кто умирает при смехотворных обстоятельствах. Кундера приводит в пример астронома Тихо Браге, который умер от разрыва мочевого пузыря, постеснявшись покинуть по нужде праздничный стол.

К списку Кундеры можно добавить еще один вид бессмертия – генетическое. *Генетическое бессмертие* – это ощущение своей победы над смертью, которое испытывают люди, становясь дедушкой или бабушкой.

«Во всяком случае, после смерти мы становимся вечной частицей вселенной. Наша плоть сгнивает, кости распадаются, наш прах рассеивается. Постепенно различие между нами как человеческими существами, наделенными любовью, ненавистью, похотью, гордостью, завистью, радостью, и горстью земли становится неясным.

⁹ Akhtar S. Matters of Life and Death. London, 2011. P. 187.

Влага из наших тел соединится с массой земной воды, откуда мы поднимемся в виде облаков и затем упадем на землю дождевыми каплями. Если нам посчастливится, наш внук или внучка поймут ладошкой дождевую каплю, в которую мы

превратились. Преодолев барьер между жизнью и смертью и странствуя по духовным ландшафтам, мы оставляем свои тела и возвращаемся к жизни как радостная и щедрая метафора», – завершает свой труд Салман Ахтар.

Список литературы:

1. Akhtar S. Matters of Life and Death. London, 2011.
2. Deutsch H. On satisfaction, happiness, and ecstasy// International Journal of Psychoanalysis. 1989. № 70. P. 715–723.
3. Erikson E.H. Identity and the Life Cycle: Selected Papers. N.Y., 1959.
4. Freud S. Beyond the Pleasure Principle. S.E., 18. London, 1920.
5. Freud S. Civilization and Its Discontents. S.E., 21: 1930. P. 64–145.
6. Freud S. The Ego and the Id. S.E., 19. London, 1923.
7. Freud S. The Future of an Illusion. S.E., 21: 5–56. 1927.
8. Freud S. The Uncanny. S.E., 17. London, 1919.
9. Klein M. Mourning and its relation to manic-depressive states // International Journal of Psychoanalysis. № 21. P. 125–153.
10. Kohut H. Self-Psychology and the Humanities. N.Y., 1980.
11. Winnicott D. Playing and Reality. London, 1971.

References (transliteration):

1. Akhtar S. Matters of Life and Death. London, 2011.
2. Deutsch H. On satisfaction, happiness, and ecstasy// International Journal of Psychoanalysis. 1989. № 70. P. 715–723.
3. Erikson E.H. Identity and the Life Cycle: Selected Papers. N.Y., 1959.
4. Freud S. Beyond the Pleasure Principle. S.E., 18. London, 1920.
5. Freud S. Civilization and Its Discontents. S.E., 21: 1930. P. 64–145.
6. Freud S. The Ego and the Id. S.E., 19. London, 1923.
7. Freud S. The Future of an Illusion. S.E., 21: 5–56. 1927.
8. Freud S. The Uncanny. S.E., 17. London, 1919.
9. Klein M. Mourning and its relation to manic-depressive states // International Journal of Psychoanalysis. № 21. P. 125–153.
10. Kohut H. Self-Psychology and the Humanities. N.Y., 1980.
11. Winnicott D. Playing and Reality. London, 1971.